РЕВИЗІЯ ДУШЪ

ПОВЕСТЬ

ЕЛЕНА ПРИЛУЦКАЯ

Елена Прилуцкая

РЕВИЗІЯ ДУШЪ

«Автор»
2026

Прилуцкая Е.

РЕВИЗІЯ ДУШЪ / Е. Прилуцкая — «Автор», 2026

Сибирская зима встретила путников свирепым бураном и ледяным ветром.Савелий Петрович Коробов, ревизор Казённой палаты, и его юный писарь Антошка направляются в отдалённое имение графини Белогорской для сверки списков крепостных душ. Сроки последней ревизии давно истекли, а из имения уже три года не поступало никаких известий.Странности начинаются ещё в дороге, но чиновник, привыкший всему искать рациональное объяснение, не придаёт им особого значения.В самом имении гостей встречают лишь графиня и её прислужница — блаженная девка Дунька.Изучая старые ревизские записи, Коробов обнаруживает странную закономерность: большинство смертей крепостных приходится на третье декабря. Но самое страшное открытие ждёт его впереди — среди записей он находит собственное имя.Теперь ревизору Коробову и его писарю предстоит выяснить, что творится в имении: чьё-то тщательно скрываемое преступление или происки нечистой силы, в существование которой чиновник совершенно не верит?

© Прилуцкая Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Поющий буран 5
Глава 2. Усадьба Белогорских 8
Глава 3. Те, кого нет 12
Глава 4. День рождения 23
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Елена Прилуцкая
РЕВИЗІЯ ДУШЪ

Глава 1. Поющий буран

Повесть в жанре славянского готического хоррора

В ту декабрьскую ночь буран не выл.

Он пел.

Тихо, протяжно. Разные голоса сливались в один заунывный стон. Порой ему подпевал второй голос, тонкий и высокий, почти девичий. И тогда лошади начинали беспокойно перебирать ногами, а старый ямщик осенял себя крестом и поглядывал на лес.

Кожаный навес дорожной кибитки, прикрученный к санным полозьям, кое-как спасал от ледяного ветра. Савелий Петрович, ревизор душ, сидел нахохлившись в глубокой соломе, прижав к груди тяжелый кожаный портфель с ревизскими сказками. Напротив него, стуча зубами от холода, сжался шестнадцатилетний писарь Антошка. Окоченевшими пальцами парень то и дело проверял завязки плаща, пряча под ним небольшую сумку с дорожной чернильницей и пером.

Савелий Петрович Коробов не любил суеверий.

Суеверия раздражали его не меньше, чем опоздания, ошибки в ведомостях и разговоры о нечистой силе там, где недоставало казённого имущества.

За двадцать три года службы Савелий Петрович насмотрелся на человеческую глупость и давно перестал ей удивляться.

— Савелий Петрович, чего же до лета подождать не могли? Какая нужда ехать зимой в Сибирь, в такую стужу? — запинаясь, проговорил писарь.

— Антошка, подождать можно у тёплой печки в губернском городе, а нам с тобой жалованье не за сон платят. У Казённой палаты на календаре одна погода: предписание. К тому же зимой в Сибири санный путь встаёт, по замёрзшим болотам да рекам куда сподручнее добраться.

— И надолго мы туда?

— А как знать? По бумагам срок ревизии давно вышел, а из этой глуши за три года ни одной ведомости не поступило. Стало быть, либо тамошняя графиня совсем не умеет делами управляться, либо казну обманывает.

— Графиня? — Юноша даже перестал стучать зубами. — Это как же в Сибири, в таёжной глуши, графиня-то оказалась? Я понимаю — купчиха али заводчица какая, но графиня?..

— Антошка, вопросов слишком много задаёшь, не твоего ума дело.

— Простите, Савелий Петрович, просто интересно стало, я так далеко ещё ни разу не выезжал.

— Какие твои годы, — смягчился ревизор, поудобнее прижав портфель. — А графиня — это вдова почившего три года назад генерал-губернатора. Император за великие заслуги перед Отечеством особым указом даровал ему землю в Сибири и двести семьдесят шесть душ крепостных.

Антошка замолчал. Некоторое время они ехали в тишине. Песня бурана становилась громче.

Савелий Петрович откинул кожаный полог и выглянул из возка. Лес стоял по обе стороны дороги сплошной стеной. Ветви сосен ломились под снегом, некоторые деревья накренились

так низко, что их заснеженные лапы почти касались земли. Между деревьями не было видно ничего, кроме непроглядной темноты.

— Далеко ещё? — крикнул он старому ямщику.

— Ежели дорогу не перемело, скоро будем, — отозвался тот и торопливо перекрестился. — Только тама чужаков, особливо ревизорских, не жалуют, ваше высокоблагородие.

— Они не обязаны любить ревизоров. Им достаточно отвечать на вопросы и предъявлять документы.

Савелий Петрович опустил полог и посмотрел на Антошку.

— Ты чего?

— Савелий Петрович, мне кажется, за нами кто-то смотрит.

— Антон, знал бы я, что ты такой впечатлительный, как барышня на первом свидании, один бы поехал.

Неожиданно повозку сильно дёрнуло. Одна из лошадей дико заржала и встала на дыбы. Сани накренились и замерли.

— Тпрууу, тпрууу, проклятая! — послышался с козел испуганный голос ямщика.

Савелий Петрович снова выглянул наружу. Старик сидел на облучке, вжав голову в плечи, и мелко крестился.

— Всё, барин, — прохрипел он, не оборачиваясь. — Кони дальше не пойдут. Не пускает она.

— Кто не пускает?! — рявкнул Савелий Петрович, чья чиновничья логика не терпела задержек. — Бурана испугался? А ну, погоняй!

— Не пойдёт, барин... — упрямо повторил дед.

Чертыхаясь, ревизор нахлобучил меховую шапку и вылез из саней прямо в разыгравшийся не на шутку буран. Снег колол лицо, как иголки. Савелий Петрович сделал два шага вперёд, к хрипящим напуганным коням, и споткнулся обо что-то твёрдое. Он наклонился и носком сапога разгрёб наметённый сугроб.

Из-под снега показалась лошадиная нога. Ревизор смахнул снег рукой и увидел мёртвое животное. Кобыла лежала на боку, неестественно выгнув шею и поджав под себя ноги.

Савелий Петрович задержал взгляд на мёртвой кобыле. Волки, должно быть. Или какой-нибудь мужик бросил её здесь, когда околела.

— Хватит креститься, вези дальше! — крикнул он, возвращаясь к повозке. — Обычная падаль под снегом. Веди лошадей в обход!

Они тронулись, но не проехали и сотни саженей, как кони снова забили копытами, взвиваясь на дыбы. Кибитку мотануло так, что чуть не сорвало кожаный полог, а Антошка едва не вылетел в сугроб. Савелий Петрович, схватившись одной рукой за борт, выронил портфель и, потеряв терпение, закричал:

— Дед! Ты куда правишь, старый греховодник?

Ответа не последовало. Савелий Петрович оглянулся и посмотрел на козлы: там никого не было. Пустой овчинный тулуп ямщика бесформенной грудой лежал на сиденье. Самого старика будто сдуло ветром.

В ту же секунду испуганные кони рванули с места. Сани заскрипели и понеслись. Савелий Петрович бросил взгляд на пустой тулуп. Разбираться с исчезновением ямщика было некогда — кони неслись вскачь. Он перебрался на козлы и перехватил свисающие вожжи изо всех сил потянув их на себя.

— Тпру! Тпрууу, будь вы неладны!

Кони не слушались. Повозка бешено неслась по заснеженной просеке. Савелий Петрович упёрся сапогами в передок, намотал ремни на руки и натянул вожжи ещё сильнее. Лошади постепенно сбавили ход и наконец остановились, тяжело дыша и роняя пену на снег.

Ревизор сидел на месте ямщика, судорожно сжимая кожаные вожжи и глядя на пустой тулуп рядом.

— Са-Са-Савелий Петрович… — послышался дрожащий голос писаря из глубины повозки. Полог почти оторвало ветром, и юноша на четвереньках перебрался к переднему краю. — Вы… вы как?

Савелий Петрович громко выдохнул, пытаясь унять дрожь в пальцах:

— Нормально, могло быть и хуже.

— А где ямщик? Всё так быстро произошло, я ничего не понял, — Антошка присел рядом на край козел.

— Чёрт его знает… Спрыгнул, поди, с перепугу, даже тулуп бросил. Дурак старый, замёрзнет ведь в лесу! — Ревизор спохватился и посмотрел на писаря. — Антошка, где мой портфель?!

Юноша нырнул обратно в тёмное нутро возка, пошарил в соломе и испуганно высунулся наружу:

— Нету его, Савелий Петрович… Пропал!

— Выронил я его, когда кибитку мотануло! Там же все ревизские сказки и предписание! Сиди тут, держи вожжи, я сейчас вернусь.

— Савелий Петрович, вы куда? Я тут один не останусь, я с вами!

Ревизор уже не слушал юношу — он спрыгнул в снег и быстрым шагом пошёл назад, вглядываясь в припорошенную колею в поисках пропажи. Антошка покрутил головой, вслушиваясь в жуткое пение бурана, бросил вожжи и кинулся догонять Савелия Петровича:

— Подождите!

— Вот он! — Савелий Петрович нагнулся и поднял тяжёлый портфель, припорошенный снегом.

— Нашли, ваше высокоблагородие? — раздался прямо за спиной запыхавшийся голос Антошки.

Ревизор обернулся:

— Ты что ж, коней одних бросил?!

Савелий Петрович сорвался с места и побежал обратно, туда, где только что стояла кибитка…

Но там уже ничего не было. Ни коней, ни повозки. Даже глубоких следов от санных полозьев не осталось — только ровная, нетронутая снежная гладь.

Ревизор и Антошка остались одни посреди глухой тайги.

— Савелий Петрович! Савелий Петрович, я не специально, я не хотел… — Антошка подбежал следом и в ужасе остановился перед пустой заснеженной дорогой. — Что же теперь нам делать? Мы же теперь тут сгинем!

Антошка шмыгнул носом и отвернулся. Слёзы на щеках тут же прихватило холодом.

Савелий Петрович помолчал, затем крепко ухватил Антошку за плечи и почти по-отцовски встряхнул, пытаясь привести его в чувство:

— Отставить сырость, писарь! Не баба. Слезами не согреешься. Идём вперёд по просеке. Авось выйдем к усадьбе.

Савелий Петрович зашагал по просеке, крепко прижимая к себе портфель.

Сколько они шли, было известно только одному Богу. Просеку давно замело, и вскоре пришлось пробираться почти вслепую, утопая в сугробах по колено. Тяжёлый портфель оттягивал руки, ветер бил в грудь, не давая вдохнуть, а попытки кричать тонули в завывании бури.

Пальцев на ногах Антошка уже не чувствовал, а поющий ветер звучал уже прямо у него в голове. Юноша готов был упасть в снег и умереть, но в этот момент ветер стих. Полностью.

Глава 2. Усадьба Белогорских

Особняк появился неожиданно.

До этого лес был одинаковым во всех направлениях: тёмные деревья, заснеженные ветви, глубокие сугробы. Но стоило им обойти небольшой залесок, как деревья расступились, открыв широкую поляну.

На ней стоял двухэтажный дом с высокой крышей, узкими окнами и каменным крыльцом. По обе стороны от него темнели пристройки, а за домом угадывались очертания конюшни и каких-то хозяйственных построек.

— Кажется, пришли, — выдохнул Савелий Петрович, останавливаясь.

— Это усадьба графини? — спросил Антошка, глядя на тёмные окна.

— А чья же ещё? Других по бумагам в этой местности не числится.

Ревизор первым поднялся на крыльцо и постучал. Ответа не было. Он постучал ещё раз, сильнее. За массивной дверью послышались шаги, щёлкнула задвижка, открылось небольшое смотровое окошко, и в нём показалось женское лицо.

— Кто тама?

— Савелий Петрович Коробов, ревизор Казённой палаты. Прибыл по делу переписи ревизских душ. Прошу доложить графине Белогорской о моём прибытии.

Окошко закрылось.

Савелий Петрович стряхнул снег с рукавов.

Антошка стоял позади, переминаясь с ноги на ногу, чтобы хоть немного согреться.

Через мгновенье дверь отворилась.

На пороге появилась девушка лет двадцати — невысокая, с круглым румяным лицом и светлыми волосами, небрежно убранными под платок, из-под которого на левую сторону лица выбивалась густая прядь. На ней было простое серое платье и белый передник.

— Проходите, — сказала она мягким, немного певучим голосом. — Барыня вас ждёт.

— Служишь здесь? — спросил Савелий Петрович, переступая порог.

— Служу, барин.

— Как зовут?

— Дуня.

— А полностью как?

Девушка моргнула и хихикнула, Антошка слегка улыбнулся. Савелий Петрович недовольно зыркнул на писаря и уточнил:

— Имя и отчество твое как?

— Так Дунька я. А отчества у меня нету.

— А фамилия есть?

— Не знаю.

— Любопытно, — пробормотал ревизор.

— А чего любопытного? — Дунька пожала плечами и посторонилась, пропуская гостей. — Я с малых лет у барыни.

Внутри было тепло — даже слишком тепло после лесного бурана. От печей тянуло жаром, пахло воском, сушёными травами и свежим хлебом. В прихожей стояла массивная вешалка, на стенах висели портреты людей в старинных одеждах.

— Так ты доложила графине? — спросил Савелий Петрович, снимая шинель.

— А то как же, барин.

— Когда успела?

— Пока вы стучали.

Девушка улыбнулась и приняла у него верхнюю одежду. Её движения показались ревизору странно неловкими: подходя к вешалке, она едва не задела локтем подсвечник, споткнулась о ровный край ковра и чуть не опрокинула стойку.

— Осторожнее, Дуня.

— Ой, простите, — она снова виновато улыбнулась.

— Какая неуклюжая, но на удивление расторопная прислуга, — покачал головой Савелий Петрович.

— Дунька у нас давно, — раздался мелодичный женский голос с лестницы. — Она добрая девочка, только немного нескладная.

На лестнице, ведущей на второй этаж, стояла графиня Елизавета Александровна Белогорская.

Она была стройной женщиной лет сорока, в которой чувствовалась породистая стать. Тёмные волосы были аккуратно собраны в сложную причёску, строгое закрытое платье из тёмного шёлка дополняла бархатная накидка. У графини были правильные черты лица и та холодная красота, которая обычно бывает у людей, привыкших видеть вокруг себя почтение. Однако сейчас в её облике читались сильная усталость и болезненная бледность — возможно, из-за отсутствия солнечного света в суровые сибирские зимы.

— Савелий Петрович Коробов? — спросила она.

— Совершенно верно, ваше сиятельство.

— Я ожидала вас. Надеюсь, дорога не показалась вам утомительной?

— Дорога оказалась непростой. В буране мы потеряли ямщика и обеих лошадей.

Графиня лишь негромко произнесла:

— Какое несчастье.

Ревизор удивлённо приподнял бровь. Хозяйка даже не предложила послать людей на поиски пропавшего возницы, но решил пока не задавать вопросов. Графиня спустилась по лестнице и протянула руку. Савелий Петрович учтиво поклонился.

— Позвольте представить моего помощника. Антон, писарь.

— Очень рада, — сказала графиня.

— Здравствуйте, ваше сиятельство, — неловко поклонился Антошка.

Графиня посмотрела на него чуть дольше, чем требовали приличия.

— Какой молодой.

— Зато грамотный, — заметил Савелий Петрович. — И весьма прилежный.

— Это хорошо. Молодым людям следует учиться, — она слабо улыбнулась и повернулась к служанке. — Дунька, проводи гостей в комнаты. И горячую еду подай.

— Сейчас, барыня.

Девушка подхватила их вещи, снова едва не задев дверной косяк, и повела наверх. Комнаты для гостей находились на втором этаже. Савелию Петровичу досталась просторная спальня с широкой кроватью, письменным столом и большим зеркалом в резной раме. Антошке отвели комнату по соседству — гораздо скромнее, но тоже тёплую и чистую.

Когда Дунька принесла им ужин и вышла, Савелий Петрович уже раскладывал бумаги на столе.

— Сколько у графини душ по последней ревизии? — спросил он.

— Сто двенадцать мужского пола, — ответил Антошка, заглядывая в ведомость. — И сто шестьдесят четыре женского.

— Всего двести семьдесят шесть. А сколько должно быть теперь?

Антошка перелистнул листы:

— С учётом естественной убыли и прибавления — около двухсот шестидесяти восьми.

Савелий Петрович взял перо и обмакнул его в чернильницу:

— Завтра начнём с господского двора. Затем проедем по деревням.

— А где деревни, сударь? Я сегодня не видел ни одного человека, кроме графини и Дуньки. И дворни тоже не видать. Кто же ужин стряпал?

— Дунька, вестимо, — ревизор посмотрел на него поверх очков. — Но ты прав, пустовато здесь. Видно, крепко барыня хозяйство запустила, коль одна девка за весь дом отдувается. Завтра и выясним, куда она людей дела.

Вскоре в дверь постучали. На пороге стояла графиня.

— Не помешаю?

— Нисколько, ваше сиятельство.

— Я хотела поговорить о завтрашнем дне. Деревни находятся довольно далеко друг от друга, а после такого бурана дороги наверняка перемело.

— Мы располагаем временем, — сухо ответил ревизор.

— Разумеется. Только прошу вас не торопиться. Некоторые крестьяне сейчас болеют, другие разъехались по делам.

— По каким именно?

— Обычным. Хозяйственным.

— В таком случае мне потребуются их имена и сведения о местонахождении.

— Всё будет подготовлено.

Она перевела взгляд на разложенные по столу ревизские сказки.

— Вы ведь переписываете не только живых?

— Разумеется. В сказки вносятся и умершие, и выбывшие, и вновь прибывшие. Государству необходимо знать точное число подданных.

— Даже тех, кого больше нет?

Савелий Петрович усмехнулся:

— Особенно тех, кого больше нет. Иначе как определить подушную подать?

— Как странно, — с грустью сказала графиня. — Человек умирает, а его имя остаётся на бумаге.

— Бумага терпеливее человека, ваше сиятельство.

— Да. Вероятно, так.

Она уже направилась к двери, но на пороге остановилась:

— Савелий Петрович, вы ведь не собираетесь сегодня выходить из дома?

— Нет. А почему вы спрашиваете?

— Просто ночью здесь легко заблудиться.

— В собственном имении?

— Лес близко подходит к дому. И в такую погоду дорогу трудно различить.

— Благодарю за заботу.

Графиня кивнула и вышла. Савелий Петрович ещё некоторое время смотрел на закрытую дверь.

— Странная женщина, — пробормотал он, собирая бумаги в аккуратную стопку. — Юлит, скрывает что-то. Голубчик, иди-ка ты, пожалуй, отдыхать.

— А как же ревизия? — писарь потёр глаза.

— Ничего с ней за ночь не случится. Завтра начнём, утомился я что-то с такой дороги. — Савелий Петрович поднялся из-за стола и отпил остывшего чая. — И на улицу в ночь не выходи.

— Помилуй Бог, Савелий Петрович! Да чтобы я вышел опять в ту стужу, да ещё и ночью? Доброй ночи.

Антошка вышел в коридор и прикрыл за собой дверь.

Ночь выдалась беспокойной. Юноша долго ворочался в постели, то проваливаясь в неглубокий сон, то просыпаясь от странного скрежета за окном. Казалось, кто-то медленно водил

чем-то острым по оконному стеклу. Под утро Антошка снова задремал, но вскоре проснулся от голоса. Тихого, протяжного, почти напевного. Кто-то звал его из темноты.

Глава 3. Те, кого нет

Утром Савелий Петрович проснулся от негромкого стука в дверь.

— Войдите.

На пороге стояла Дунька. В руках она держала медный поднос с дымящимся чайником и фарфоровой чашкой.

— Проснулись, барин? — спросила она певуче. — Барыня велела утренний чаёк подать да передать, что завтрак в столовой уж накрыт.

— Хорошо. Поставь на стол.

Дунька вошла, поставила поднос и принялась сосредоточенно поправлять скатерть, от усердия даже высунув кончик языка. Потянувшись к краю стола, она случайно задела чашку локтем — та опасно накренилась, звякнув о блюдце, но девушка успела её подхватить.

— Осторожнее, — проворчал Савелий Петрович, садясь на край кровати.

— Ой, простите барин.

Ревизор внимательно посмотрел на неё. При дневном свете стало заметно, что густая русая прядь, выбившаяся из-под платка, намертво прикрывала левую половину её лица. «Кривая, что ли? — мелькнуло в голове у Савелия Петровича. — Видать, оспа в детстве глаз выела, вот и прячет увечье, да оттого и спотыкается на каждом шагу». Эта догадка вызвала у него даже лёгкую чиновничью жалость к убогой девке.

— Скажи мне, Дуня, сколько всего человек служит в доме? — спросил он, надевая халат.

— А кто ж их считает?

— Ты здесь живёшь. Должна знать.

— Ну, раньше много было. Повариха, две горничные, конюх, дворник, ещё садовник. Потом кучер. И прачка.

— А теперь?

— Теперь никого, — Дунька беспечно пожала плечами. — Разошлись.

— Все разом? Куда разошлись?

— Ой, барин, не все разом. Конюха волки в зиму задрали, повариха запропала летом, говорят в лесу заплутала. Остальные разошлись кто куда, не знаю я барин, какое мне дело до их.

Савелий Петрович налил себе чаю, отпил глоток и прищурился. Крепостные не могли просто так «разойтись» без вольной или увольнительного билета — за такое укрывательство или незаконную распродажу душ барыне грозил казённый суд. «А вот и разгадка, — удовлетворённо подумал ревизор. — Сбагрила людей, а теперь ведомости прячет».

— И кто же теперь ведёт хозяйство?

— Я.

— Одна?

— А чего? Я справляюсь.

Он посмотрел на неё поверх чашки. Девушка улыбалась. Круглые щёки, курносый нос, светлая бровь — ничего примечательного. Но глаз, который она не прятала под прядью волос, был почти бесцветным.

— Дуня, а как давно ты здесь служишь?

— Да сколько себя помню, барин.

— Родители твои где?

— Померли.

— Когда?

— Не знаю. Давно.

— Хотя бы имена родителей то ты знаешь?

— Откудава мне их знать то, померли и померли, зачем мне их имена помнить.

— Ты ведь понимаешь, что для ревизии мне потребуются сведения обо всех жителях имения?

Дунька перестала теребить скатерть и наклонила голову набок.

— Барин, я девка неразумная, чего вы от меня хотите?

Савелий Петрович раздражённо стукнул чашкой о блюдце:

— Дуня, я не играю с тобой в загадки. Мне нужны имена.

Девушка по-детски рассмеялась:

— Ой, барин, да какие имена? Их уж нету.

— Что значит «нет»?

— А то и значит. Нет их. — Она подхватила пустой поднос и отступила к двери. — Барыня велела вас поторопить. Говорит, сама всё расскажет.

Дверь за ней закрылась. Савелий Петрович задумался: девка явно была блаженной, но за её бестолковой болтовнёй слишком отчётливо проступало должностное преступление графини.

Одевшись, через несколько минут он зашёл к Антошке. Тот уже сидел за столом, сгорбившись над тетрадью, и выглядел на удивление бледным — под глазами залегли тёмные круги.

— Ты чего пишешь?

— Да так, сударь, перо расписываю, — Антошка торопливо захлопнул тетрадь.

— Что значит «да так»? И вид у тебя, будто всю ночь в карты дулся.

Юноша замялся, отведя взгляд к окну:

— Ночью плохо спал, Савелий Петрович.

— Почему?

— Слышал, будто кто-то ходит… — начал было Антошка, вспомнив леденящий скрежет по стеклу и тихий, вкрадчивый голос, звавший его по имени, но вовремя прикусил язык, побоявшись, что Савелий Петрович снова поднимет его на смех. — Шаги. Совсем рядом. Будто кто-то бродил по коридору, а потом остановился прямо у моего порога.

— Может, Дунька.

— Она не так ходит.

— А ты уже изучил походку всех здешних обитателей? — хмыкнул ревизор.

Антошка густо покраснел:

— Нет, сударь.

— Тогда прекрати выдумывать. Пойдём, сегодня займёмся бумагами.

Они спустились в столовую. Графиня уже сидела во главе длинного стола, перед ней стояла чашка с давно остывшим, нетронутым чаем.

— Доброе утро, — произнесла она ровным голосом.

— Доброе, ваше сиятельство.

— Надеюсь, вы хорошо отдохнули?

— Вполне. Позвольте сразу приступить к делу.

Графиня кивнула и подозвала Дуньку, стоявшую у буфета. Когда девушка вышла за ведомостями, Савелий Петрович решил не терять времени:

— Скажите, ваше сиятельство, почему в столь обширном имении почти нет прислуги?

Графиня прикрыла глаза, словно собираясь с силами.

— Последние годы были тяжёлыми. Некоторые слуги уехали, другие умерли.

— От чего же?

— Болезни. Несчастные случаи. В глуши всякое случается.

— И часто у вас происходят… несчастные случаи?

— Савелий Петрович, вы ведь не полицейский следователь.

— Нет, ваше сиятельство. Но я казённый ревизор и обязан выяснить, почему наличное число душ не совпадает с последними ведомостями.

В этот момент вернулась Дунька с толстой кожаной папкой в руках и положила её на стол перед ревизором.

— Вот, барыня.

— Благодарю, Дуня. Можешь идти.

Девушка не двинулась с места, продолжая стоять.

— Я сказала, можешь идти, — повторила графиня чуть твёрже.

— А чай вам свежий принести?

— Нет.

Дунька улыбнулась:

— Как скажете.

Лишь после этого она вышла, прикрыв за собой дверь. Графиня дождалась, пока её шаги окончательно стихнут в коридоре, и подалась вперёд.

— Савелий Петрович, — произнесла она почти шёпотом. — Я бы хотела попросить вас об одной услуге.

— Слушаю вас.

— Если вам понадобится поговорить со мной о делах имения, прошу делать это без прислуги.

— Разумеется.

Графиня посмотрела на скатерть и добавила ещё тише:

— И ещё. Прошу вас… никогда не оставайтесь с Донькой наедине.

— Почему же?

Графиня устало покачала головой.

— Она глупая, нездоровая девка. Иногда может быть… неприятной.

— Уверяю вас, ваше сиятельство, я человек бывалый и способен за себя постоять.

— Я не сомневаюсь.

Графиня потянулась к чашке, пальцы дрогнули и холодный чай выплеснулся на блюдце.

— Простите, — едва слышно выдохнула она.

После завтрака Савелий Петрович и Антошка поднялись в комнату, прихватив с собой толстую кожаную папку, принесённую Донькой.

— Ну что, Антошка, за работу? — Савелий Петрович развязал тесёмки и принялся аккуратно раскладывать бумаги на столе.

Он любил бумаги. В бумагах, как он часто говаривал, человек не мог спрятаться за красивыми словами или лживыми слезами. Они помнили долги, ошибки, рождение и смерть — были скучны, сухи, но честны. Антошка устроился напротив, раскрыл чистую тетрадь и обмакнул перо в чернильницу.

Работа шла медленно. Основные списки были составлены аккуратно, почерк писаря оказался на удивление ровным, все сургучные печати и подписи стояли на своих местах. Но чем дольше ревизор изучал толстую книгу, тем сильнее росло его недоумение.

— Вот, — сказал Савелий Петрович, задерживая палец на середине листа. — Поди-ка сюда, взгляни.

Антошка поднялся и заглянул через плечо ревизора. В книге значилось имя крестьянина: *«Фёдор Никифоров, сорока трёх лет. Умер от горячки третьего декабря»*.

Ниже шла запись о его жене:

«Агафья Фёдорова, тридцати восьми лет. Умерла от горячки третьего декабря».

На следующей странице значился их сын:

«Никита Фёдоров, семнадцати лет. Умер третьего декабря».

Потом ещё одна семья. И ещё. Все смерти были датированы одним числом — третьим декабря прошлого года.

— Странно, — произнёс Антошка.

— Весьма, — отозвался Савелий Петрович, перелистывая несколько страниц разом. — Здесь целая деревня вымерла за один день.

— От одной болезни?

— Судя по записям, нет. Смотри на чернила.

Антошка наклонился ниже. Если основной список душ был выведен ровно и выцвел от времени, то приписки о смертях делались наспех, разными почерками, но одним и тем же густым, совсем свежим оттенком чернил.

— А почему все даты одинаковые? — спросил юноша.

— Вот это мы и выясним. Сдаётся мне, всё это вписали перед самым нашим приездом.

Ревизор пролистал ещё несколько листов. На полях замелькали мелкие пометки, сделанные тонким, неровным почерком: *«Не явились»*, *«Не обнаружены»*, *«Выбыл»*, *«Скончался»*. А чуть ниже поперёк строки шла запись, выведенная яркими красными чернилами: *«Повешен»*.

Савелий Петрович провёл пальцем по красной надписи:

— Кто же это такой?

Антошка присмотрелся к имени в начале строки:

— Савва Кузьмич. Староста, видать.

— А возраст?

— Пятьдесят два года.

— Причина указана?

— Никак нет, сударь.

Ревизор перевернул страницу. На следующем листе напротив крестьянского имени снова была пометка: *«Повешен»*. И ещё раз. И ещё. Одно и то же слово повторялось на каждой строчке до самого низа листа.

Савелий Петрович выпрямился, с силой сжимая края книги.

— Вот оно что… — глухо процедил он. — Никакой горячки тут не было. Либо в имении бунт случился, либо барыня наша людей насмерть запорола да перевешала, а теперь концы в воду прячет!

— Сударь… — голос Антошки сорвался шёпот.

— Что ещё?

Юноша дрожащим пальцем указал на самый низ последней страницы. Там, под чертой, стояла короткая приписка, сделанная теми же свежими чёрными чернилами:

«Коробов Савелий Петрович. Пропал без вести».

Антошка замолчал. За окном свистнул ветер.

Савелий Петрович коротко, сухо усмехнулся.

— Ишь ты… Запугать решили. Думают, увидит ревизор такую чертовщину, струсит да уедет восвояси, не докопавшись до правды. Ловко придумано, ничего не скажешь.

— Но… Савелий Петрович… — Антошка попятился от стола. — Откуда им было знать, что именно вас пришлют? Предписание ведь тайное было…

Ревизор с глухим стуком захлопнул ведомость.

— В губернии у графини связи остались, чай, вдова генерал-губернатора, — отрезал он, хотя голос его прозвучал чуть жёстче обычного. — Запиши номер страницы. Проверим позже, когда с делами разберёмся.

Антошка не двинулся с места, косясь на закрытую папку.

— Савелий Петрович…

— Я сказал, запиши.

Помолчав немного, Савелий Петрович глянул в окно. Внизу, у самой кромки заснеженного двора, стояла Дунька и приветливо махала ему рукой.

— Антошка, а позови-ка ты мне Дуньку, — не оборачиваясь, велел ревизор.

— Сейчас, сударь.

Антошка поспешно выскочил из комнаты, но не успели его шаги стихнуть на лестнице, как дверь приоткрылась, и на пороге показалась сама Дунька.

— Чаво изволили, барин?

Савелий Петрович обернулся от окна — девка, только что стоявшая во дворе, оказалась наверху с поразительной, почти пугающей быстротой.

— Ишь, шустрая какая… — пробормотал он, внимательно оглядывая служанку. — А скажи-ка мне, Дуня, ты грамоте обучена?

— Да какая грамота, барин! — Дунька беспечно махнула рукой и хихикнула. — Барыня пыталась меня и чтению, и письму обучить, да толку-то… Не вышло у ей ничего. В деревне завсегда говорили, что я дурная.

— Значит, барыня к тебе милость проявляла?

— Ой, сударь, барыня наша хорошая, всем помогает, просто так никогда никого не накажет. Разве что за сглаз может.

— За что? — удивился Савелий Петрович.

— За сглаз, за что же ещё.

— То есть за какие-то суеверия графиня может просто взять и наказать? И часто такое случалось?

— Ой, барин, нечасто, — Дунька прижала палец к губам, будто вспоминая. — Только раз она мне велела девку Аграфену из Пеньков на болото свести и тама оставить.

— И что же девка Аграфена такого натворила? — ревизор сделал шаг вперёд, решив, что наконец-то нашёл зацепку.

— В деревне слухи ходили, что Аграфена порчу наводит своим косым глазом, да и рука у ей была высохшая, всё равно что коряга старая. Вот барыня и приказала…

Савелий Петрович хотел было уточнить, вернулась ли та девка с болота, как дверь распахнулась, и на порог ввалился запыхавшийся, раскрасневшийся Антошка.

— Савелий Петрович, я Дуньку нигде не… — начал он с порога, но осёкся, уставившись на служанку, спокойно стоявшую посреди комнаты.

Дунька улыбаясь повернулась к нему:

— Чего же меня искать? Тута я.

Антошка попятился к косяку, не сводя глаз с Дуньки: он ведь только что обежал весь дом, заглянул в кухню, выскочил на крыльцо и осмотрел двор — и нигде не было ни души, даже следов на свежем снегу не оставалось.

— Вот видишь, писарь, под самым носом у себя людей не замечаешь, — недовольно буркнул ревизор, хотя сам на миг испытал странный холодок. — Ступай, Дуня. Иди, занимайся делами.

— Как прикажете, барин, — пропела она и, неловко задев плечом дверной косяк, выскользнула в коридор.

Едва за ней закрылась дверь, Антошка подошёл к столу, схватился за край побелевшими пальцами:

— Савелий Петрович… её не было внизу. Я весь дом обежал! Она не могла мимо меня пройти, лестница-то одна…

— Значит, чёрным ходом поднялась, — отрезал ревизор, хотя в голосе его уже не было прежней уверенности. — Не забивай голову пустяками, Антон. У нас дела поважнее. Графиня тут, похоже, не просто казну обманывает — здесь преступлениями пахнет.

— Антон, собирайся, пойдём Пеньки проверим.

— Что за Пеньки? — насторожился писарь.

— Деревня, про которую Дунька говорила…

— А далеко ли она? Успеем засветло возвратиться? — Антошка посмотрел на серое зимнее небо за окном. — День-то нынче короткий, Савелий Петрович, не хочется опять в ночь в тайге остаться.

— Иди собирайся, я пока у графини всё разузнаю.

Савелий Петрович спустился вниз и заглянул в каминную. Графиня сидела в глубоком кресле, неподвижно глядя на пляшущие языки огня. Казалось, она даже не моргала. Ревизор кашлянул, обозначая своё присутствие. Графиня вздрогнула и обернулась:

— Савелий Петрович? Вы что-то хотели?

— Да, ваше сиятельство. Собираюсь в Пеньки с проверкой наведаться.

Графиня стремительно поднялась с кресла:

— Может быть, не стоит? Там сейчас не лучшее время. Хвори, холод, да и народ там недружелюбный. И повозки у нас нет.

— Ничего, пешком дойдём. Далеко ли эти Пеньки?

Графиня сжала пальцы.

— Не особо — часа пол ходу. Но вам туда идти нельзя. По лесу волки бродят, да и дороги вы не знаете, в сугробах сгинете.

— Барыня, а я спровожу, — раздался прямо из-за спины ревизора тихий голосок Дуньки.

Савелий Петрович обернулся. Девка стояла в двух шагах у двери — бесшумная, словно тень, хотя секунду назад в коридоре было пусто.

— А ты чего тут делаешь?

— Так это, барин, пришла узнать, не надобно ли чего, а тут вы…

— Дуня, выйди! — резко оборвала её графиня.

Но служанка даже не шелохнулась, продолжая улыбаться:

— Барыня, давайте спровожу гостей до Пеньков. Дорогу я хорошо знаю, до темноты и воротимся.

— Нет. Выйди немедленно, — твёрдо повторила графиня, не сводя с неё напряжённого взгляда.

— Благодарю за заботу, ваше сиятельство, но приказ есть приказ, — твёрдо произнёс Савелий Петрович. — Укажите мне дорогу на Пеньки, а с волками мы как-нибудь разберёмся. А ты, Дуня, иди, не мешай.

Лишь услышав приказ ревизора, Дунька нехотя поклонилась, бросила на графиню долгий взгляд и неслышно выскользнула за дверь.

Графиня дождалась, пока дверь закроется и подошла к резному бюро у стены. Достав из кармана платья связку ключей, она отперла верхний ящик и извлекла оттуда тяжёлый револьвер и небольшой кожаный кисет с патронами.

— Возьмите, Савелий Петрович, — она решительно протянула револьвер. — Оружие мужа. Заряжен. В наших местах без него в лес выходить не следует… Вдруг и впрямь зверь выйдет.

— Разумно. — Ревизор взял револьвер, проверил барабан, взвесил на ладони и сунул в глубокий карман сюртука.

— Весьма признателен. А теперь, будьте добры, объясните путь.

— Выйдете к лесу, свернёте на старую просеку влево и ступайте всё время прямо, никуда не сворачивая. К обеду доберётесь.

В этот момент в каминную заглянул уже одетый в свой суконный плащ Антошка, сжимая в руках шапку.

— Я готов, Савелий Петрович.

— Отлично. Подожди меня здесь, я сейчас — за шинелью.

Едва шаги ревизора затихли, графиня стремительно шагнула к Антошке. Вся её привычная холодность исчезла — перед юношей стояла смертельно напуганная женщина. Она схватила писаря за плечи и зашептала быстро, сбивчиво, то и дело оглядываясь на дверь:

— Слушай меня внимательно. Не возвращайтесь сюда. Слышишь? Как дойдёте до Пеньков — уходите дальше по тракту, в город, пешком, как угодно, только назад ни шагу! Бегите, пока есть время!

Антошка застыл. Он хотел было спросить, от кого бежать и что здесь творится, но дверь в каминную скрипнула, и внутрь опять заглянула Дунька. Графиня мгновенно отпрянула к камину, делая вид, что поправляет шаль, а Антошка попытался унять дрожь и не смотреть на Дуньку.

— Вот, Антошка, я тебе тулуп нашего конюха принесла, а то ты в своей накидке околеешь в лесу, — Дунька неловко протянула юноше тяжёлую овчину.

Антошка замешкался, с опаской глядя на тулуп пропашего конюха.

— Спасибо за заботу, Дуня, можешь идти, — ледяным тоном оборвала её графиня.

Писарь нехотя протянул руки, взял тулуп, от которого пахло старой овчиной и морозом, и неуверенно выдавил:

— Спасибо, Дуня.

— Ну, с Богом, — Савелий Петрович вошёл в комнату, застёгивая меховую шинель и поправляя шапку. — К вечеру ждите нас обратно, ваше сиятельство.

Графиня ничего не ответила, лишь молча проводила их взглядом.

Выйдя за ворота усадьбы, они легко отыскали нужную просеку. Буран к утру окончательно улёгся, небо чуть прояснилось, и широкая дорога, хоть и припорошенная снегом, уводила прямо в чащу. Шли быстро, почти молча: Савелий Петрович то и дело похлопывал себя по карману, где лежал тяжёлый револьвер, а Антошка всю дорогу украдкой оглядывался назад, не мог забыть ни отчаянного шёпота графини, ни мысли о том, куда делся прежний хозяин согревающего его тулупа.

Спустя сорок минут впереди показались заснеженные крыши Пеньков. Однако деревня выглядела очень странно. Избы стояли целые, но дворы были не чищены, крыши не обвалились, покосившиеся заборы ещё держались, а на некоторых окнах даже белели занавески. У одного крыльца лежали дрова, аккуратно сложенные в высокую поленницу. Но ни над одной трубой не вился дым, не лаяли собаки, не кричали дети — над улицей висела глухая, мёртвая тишина.

Савелий Петрович поднялся на крыльцо ближайшей избы и громко постучал в дверь. Никто не ответил. Он постучал сильнее — дверь оказалась незапертой.

В избе было чисто и прибрано, словно хозяева вышли всего минуту назад. На деревянном столе стояла глиняная миска, рядом лежала деревянная ложка, а на широкой лавке аккуратно сложенная мужская рубаха.

— Тут кто-то живёт, — шёпотом сказал Антошка, оглядываясь по сторонам.

— Жил, — коротко поправил ревизор.

— Как вы это поняли?

— Печь ледяная, Антон. В Сибири зимой изба за полдня выстывает, а здесь изо рта пар идёт, как на улице. Стало быть, огня тут не разводили уже не первый день.

Савелий Петрович прошёл в соседнюю комнату. В углу висела потемневшая от времени икона, перед ней на цепочке застыла давно погасшая лампадка. На полу валялась детская игрушка — грубо вырезанная из дерева лошадка. Антошка поднял её, сжав озябшими пальцами:

— Сударь, посмотрите. Тут ведь дети были.

Ревизор подошёл к божнице и взял лежавшую рядом затрёпанную тетрадку — церковный поминальник, куда грамотный дьячок записывал имена крестьян для молитвы. Последняя

запись, выведенная ровным почерком, гласила: *«Пётр Емельянов. Родился третьего декабря»*. А строчкой ниже, совсем другими, торопливыми чернилами, было приписано: *«Пётр Емельянов. Умер третьего декабря»*. Год стоял один и тот же.

Антошка заглянул через плечо ревизора и невольно отступил на шаг:

— Но это же…

— Молчать, — оборвал его Савелий Петрович, хотя в груди неприятно похолодело. Он положил поминальник на место и уже собирался выйти из избы, как из соседней комнаты донёсся тихий, противный звук — будто кто-то провёл острым ногтем по оконному стеклу.

Антошка дёрнулся на звук:

— Кто там?

Ответа не последовало. Юноша, словно заворожённый, шагнул к двери.

— Антон! — окликнул Савелий Петрович, но писарь уже заглянул внутрь.

Комната была пустой. Лишь у заледеневшего окна стояла старая прялка, а на ней тёмным клубком лежала шерстяная нить. Антошка подошёл ближе. Тонкая чёрная нить тянулась от веретена к половицам и уходила дальше — прямо в густую темноту под широкой деревянной кроватью.

Юноша наклонился, вглядываясь в мрак. И опешил. Из-под кровати на него в упор смотрел человеческий глаз.

Антошка вскрикнул и отпрянул назад, едва не сбив с ног ревизора. Савелий Петрович бросился к нему, хватаясь за карман с револьвером:

— Что?!

— Там! Там кто-то есть! — задыхаясь, выкрикнул писарь.

Ревизор присел и заглянул под кровать. Ничего. Только серая пыль да старые половицы. Он поднялся и с досадой посмотрел на бледного, трясущегося помощника:

— Ты совсем с ума сошёл? Пусто там!

— Я видел… честное слово, видел…

— Довольно! Идём отсюда.

Савелий Петрович крепко схватил его за плечо и вывел на крыльцо. Оказавшись на улице, оба замерли. На другом конце пустой деревни, посреди заснеженной дороги, стояла скрюченная старуха. Сгорбленная, закутанная в тёмный платок, она смотрела на них, не двигаясь.

Ревизор поправил шинель и решительно направился к ней:

— Добрый день, мать!

Старуха не ответила, лишь буравила гостей мутным, немигающим взглядом.

— Местная? — спросил он, подходя ближе.

Она подняла голову из-под тёмного платка:

— Живу тут.

— Как звать?

— Марфа.

— А вы кто такие? — проскрипела она, оглядывая казённые пуговицы на его шинели.

— Казённые люди, — ответил Савелий Петрович. — Я ревизор. Прибыл для переписи населения.

Старуха презрительно сплюнула в снег:

— Всех уже посчитали.

— Кто посчитал?

Марфа подняла на него тяжёлый, недобрый взгляд:

— Тот, кто умеет считать.

Савелий Петрович, не отрываясь, смотрел на старуху, пытаясь понять, в своём ли она уме.

— Мать, фамилия у тебя есть?

— Какая ещё фамилия? Марфа я.

— Хорошо, Марфа. Сколько лет?

— А тебе на что?

— Для ведомости.

— Много.

— Это не ответ.

— А ты и так всё запишешь, как тебе надобно.

Старуха прищурилась и перевела взгляд на жавшегося за спиной Савелия Петровича Антошку:

— Молодой ещё. Зачем привёл?

— Помощник мой.

— Зря, — отрезала она.

Савелий Петрович сделал шаг вперёд:

— Послушайте, матушка, я приехал по служебному делу. Мне необходимо узнать, сколько человек проживает в этой деревне.

Марфа обвела костлявой рукой пустые, занесённые снегом избы:

— А ты не видишь?

Холодный ветер прошёл по безлюдной улице, взметнув снежную пыль. И где-то далеко, в самой глубине глухого леса, снова протяжно запел буран — хотя снегопад давно закончился.

— Вижу, что деревня безлюдна, — сухо сказал ревизор. — Куда все делись?

Старуха повернула голову в сторону тёмного леса, за которым скрывалась усадьба:

— Сгубила их барыня.

Савелий Петрович подался вперёд:

— Белогорская?

Антошка покосился на ревизора:

— Графиня?

— Она самая, ведьма она, — прошипела старуха. — Ведьма проклятая. Мор на деревню навела. Сначала дети хворать стали, потом мужики, бабы за ними. Кто в лес ушёл — не вернулся. Кто в избе помер — того и схоронили, да только земля не принимала, в болото свозили.

— Вы утверждаете, что графиня занималась колдовством?

— Я не утверждаю. Я знаю. И девка ейная, Дунька блаженная, тоже колдовству обученная. А иначе зачем бы барыне эта дурочка с малолетства понадобилась?

— Откуда знаете?

Марфа криво усмехнулась. Её губы были сухими, потрескавшимися, а зубов почти не осталось:

— Я тут жила, милок. Всю жизнь прожила. И деда моего здесь похоронили, и мужа, и деток моих. А теперь одна я осталась. Сама теперь живу.

— Почему же тебя не тронул мор?

Марфа посмотрела на него так, будто вопрос показался ей на редкость глупым:

— Потому что старая я. Кому старая нужна?

— Ты говоришь, что графиня навела мор. Но каким образом? — не отступал Савелий Петрович.

Старуха подошла ближе и прошептала:

— В лес она ездила, на старое кладбище. Там ещё до наших дедов хоронили — не по-христиански хоронили, а как в старину. А потом мужики могильник разрытый нашли, и Дунькин платок прямо тама валялся. Девку Аграфену эта Дунька — блаженная по барыниной указке — к болоту свела, чтобы та утопла. А Аграфена ведь перед тем, как сгинуть, на всю деревню голосила, что Дунька-то не жива ни мертва, что ведьма она и дух в ей не человечий!

Антошка побледнел:

— А вы сами всё это видели?

Марфа перевела мутный взгляд на писаря:

— Видала, не видала… А только люди сказывали, а они врать не будут. Только кто теперь расскажет?

Она цепко схватила юношу за рукав тулупа:

— Ты барыню не слушай. Красиво говорит, сладко. Глаза у неё добрые, а душа чёрная. Она людей губит, а сама живёт.

Антошка дёрнулся и с трудом высвободил руку:

— Отпустите!

— Марфа! — строго оборвал её Савелий Петрович. — Довольно.

Старуха отступила на шаг, но не унялась:

— А ты, ревизор, тоже берегись. Она таких, как ты, любит. В дом к себе заманит, накормит, напоит, а потом и не вспомнишь, как тебя в землю закопают.

Савелий Петрович всматривался в морщинистое лицо старухи.

— Откуда знаешь, что она делает?

— Потому что знаю.

— Когда в последний раз ты её видела?

Марфа на миг задумалась, пожевав сухими губами:

— Давно. Весны три назад.

Несколько секунд она молчала, сверля ревизора тяжёлым взглядом, а затем громко, отчётливо произнесла:

— Спросите у барыни, куда она девала людей. Спросите, почему у неё слуги не держатся. Спросите, отчего в имении ни одной живой души, кроме неё самой да девки её проклятой.

Она повернулась к своей покосившейся избе:

— Идите отсюдава.

— Постой… — шагнул за ней ревизор.

— Идите, говорю! — старуха подняла суковатую палку и с силой ударила ею в утоптанный снег. — Не надо вам тут быть. Не надо!

Она быстро заковыляла к крыльцу и скрылась за оббитой войлоком дверью. Савелий Петрович проводил её долгим взглядом и покачал головой:

— Похоже, старуха совсем не в своём уме.

Антошка молчал, глядя себе под ноги.

— Ты что притих? — покосился на него ревизор.

— Она сказала, что графиня ведьма.

— Люди склонны объяснять всё непонятное колдовством и порчей.

— А может правда?

Савелий Петрович остановился и строго посмотрел на писаря:

— Ты хочешь сказать, что дворянка, владеющая богатым поместьем, ни с того ни с сего решила извести собственных крестьян? Если бы я во всякие бабьи побасенки верил, то и ревизором бы не был.

— Я не знаю, сударь.

— Вот именно — не знаешь. А потому не следует делать поспешных выводов. Возвращаемся в усадьбу.

Они свернули обратно на лесную просеку. Некоторое время шли молча, но, отойдя от околицы на сотню шагов, Антошка не выдержал и с опаской оглядываясь по сторонам, произнёс:

— Савелий Петрович… графиня мне давеча наедине сказала, что нам не надобно возвращаться в поместье. Просила, чтобы мы из Пеньков напрямик к тракту выходили и больше к ней не приходили.

— Антошка, она тебе что угодно сказать может, — усмехнулся ревизор, прибавляя шагу. — Сам же видишь, что тут происходит: деревня вымерла, души неучтённые, в бумагах полный бардак. Барыне только того и надобно, чтобы мы хвост поджали да убрались восвояси, не докопавшись до сути! А вот дудки — я дело до конца доведу.

Антошка вздохнул и понуро поплёлся следом, глубже втягивая голову в воротник старого тулупа конюха.

Глава 4. День рождения

Имение встретило их гнетущей тишиной. Навстречу никто не вышел, входная дверь оказалась не заперта.

Савелий Петрович первым делом направился к кабинету графини. Он твёрдо намеревался потребовать от неё объяснений: что произошло с вымершей деревней и насколько правдивы россказни старухи. Однако дверь кабинета оказалась заперта изнутри.

Ревизор настойчиво постучал:

— Ваше сиятельство!

Никто не ответил. Савелий Петрович постучал ещё раз, громче:

— Графиня Белогорская! Елизавета Александровна!

За дубовой дверью послышался торопливый шорох, затем раздался приглушённый, напряжённый голос:

— Кто там?

— Коробов. Прошу вас уделить мне несколько минут.

— Я занята.

— Дело касается ваших крестьян.

За дверью послышалась возня.

— Сейчас выйду.

Савелий Петрович отступил на шаг и обернулся к писарю:

— Антошка, иди пока возьми в моей комнате кожаную папку с ведомостями имения.

Юноша кивнул и молча направился к лестнице.

Дверь отворилась. На пороге стояла графиня — бледная, с тёмными кругами под глазами.

— Вам нездоровится? — сухо поинтересовался Савелий Петрович.

— Да что-то голова разболелась. Вы всё-таки вернулись из Пеньков… Проходите.

Графиня отступила вглубь комнаты, пропуская ревизора. Савелий Петрович вошёл и прикрыл за собой дверь.

— Конечно, вернулись. Нам есть о чём с вами поговорить.

— И как вам Пеньки? — устало спросила хозяйка, опускаясь в кресло у письменного стола.

— Удручающе. Деревня вымерла, осталась одна старуха, да и та, судя по всему, не в своём уме.

— Это кто же?

— Бабка Марфа.

— А… — графиня устало качнула головой. — Я уже и забыла про неё.

Ревизор хотел было задать следующий вопрос, как дверь кабинета без стука распахнулась и внутрь ввалилась Дунька.

— Ой, барыня, а я-то думала, вы одна, а наши гости уже воротились! — пролепетала она и широко улыбнулась.

— Чего тебе, Дуня?!

— Да это… ничего. Я просто узнать хотела, может, надо чего?

— Ничего не надо. Иди.

— Барыня, давайте хоть чайку свежего принесу?

— Дуня, не надо.

Дунька чуть склонила голову, лукаво посмотрела на ревизора и усмехнулась:

— И что же вам там сумасшедшая бабка Марфа рассказала? Поди, что я ведьма и барыня ведьма?

— Дуня, иди уже! — скомандовала графиня, едва сдерживаясь. — Не суй свой нос не в своё дело.

— Отчего же? Дуня, пока останься, — заинтересовался Савелий Петрович, переводя взгляд с девушки на бледную Елизавету Александровну.

— Савелий Петрович, Дунька — дура, она не ведает, что говорит, — поспешно вмешалась графиня. — И не понимает многого.

— Дуня, так ты знаешь, что о тебе и барыне такая молва ходит? — не унимался ревизор.

— А чё ж не знать, барин? Один заболтал от обиды, второй подхватил от скуки… Только вы не верьте им. Сами в болота топкие ходят, сами по лесам ночью бродят, вот и гибнут. А я всё-таки чайку вам принесу.

Дунька улыбнулась, зацепилась носком за порог и тихо хихикнув, вышла.

Савелий Петрович прикрыл дверь и обернулся к графине:

— Ваше сиятельство, всё-таки расскажите мне без утайки, что случилось с девкой Аграфеной из Пеньков?

Графиня не сразу решилась ответить.

— Так в болоте она увязла и утопла. Мне так наш конюх ещё тогда сказывал… Но в деревне глупый слух распустили, будто это я её туда свести велела.

— А вы этого не делали?

— Нет, конечно! Зачем мне это? Живёт себе девка в деревне, в поле трудится — кому она мешала?

— Однако мне сказали, будто вы верили в сглаз и порчу, которую она якобы наводила.

— Кто сказал?! — графиня искренне удивилась.

— Дунька ваша и сказала.

— Дунька — дурочка, что с неё взять…

— Так и бабка Марфа в деревне подтвердила, что по вашей указке Дунька за Аграфеной приходила.

Савелий Петрович стоял у окна, заложив руки за спину. За стеклом темнел заснеженный двор.

— У вас целая деревня вымерла от хвори непонятной, — продолжал он, не оборачиваясь, — а вы даже ничего не предприняли…

Графиня подошла к Савелию Петровичу и тоже посмотрела в окно, туда, где за границей усадьбы чернела глухая стена леса.

— Савелий Петрович, послушайте меня! — в отчаянии прошептала она, схватив ревизора за рукав сюртука. — Я делала всё, что могла! И лекарей из губернии привозила, и лекарства дорогие выписывала. Всё было без толку… Эта же самая хворь и супруга моего сгубила! Скажите на милость, зачем мне собственного мужа губить? Чтобы в этой глуши совсем одной остаться?!

— Да-да, барин, невиноватая барыня! — раздался с порога уже знакомый голосок. — Я сама помню, как барыня болезному барину лекаря из губернии привозила. Он ещё в трубку такую смешную всё спину барину слушал, да какие-то порошки пить давал. Только барин всё равно почил.

Савелий Петрович и графиня одновременно вздрогнули и обернулись к двери. Дунька стояла на пороге с подносом в руках и широко улыбалась.

— Поставь поднос и иди, — устало, но твёрдо сказала графиня.

— Барыня, ежели чего надо, то я всегда тута, рядом.

Дунька, всё так же блаженно улыбаясь, поставила поднос на край стола и на выходе столкнулась в дверях с Антошкой, который нёс большую кожаную папку.

— Ой! — от неожиданности вскрикнул писарь, едва не выронив бумаги.

Служанка по-глупому хихикнула и плотно прикрыла за собой дверь. Антошка перевёл дух, прошёл к столу и положил папку перед ревизором.

— Вот, Савелий Петрович, принёс.

Ревизор развязал тесёмки, быстро перелистал плотные страницы и открыл книгу на тех листах, где числились крестьяне, умершие в один и тот же день — третьего декабря. Он развернул ведомость к хозяйке дома и ткнул пальцем в ровные столбцы.

— Вот, Елизавета Александровна, как вы объясните, что все эти люди умерли в один день? И почему приписки сделаны свежими чернилами? Дунька ваша безграмотная — остаётесь только вы.

— Я не знаю, я этого не писала! Это даже не мой почерк! — в отчаянии выдохнула графиня, глядя на исписанные листы.

— Тогда кто? В доме есть ещё грамотные люди, о которых нам не доложено? И что за глупые шутки?

Савелий Петрович перелистнул книгу в самый конец, открыл страницу, на которой было вписано его собственное имя, и ткнул в неё пальцем, не сводя с хозяйки тяжёлого, испытующего взгляда.

Графиня молчала, и лишь затравленно косилась на закрытую дверь кабинета.

— Что с другими деревнями? — не отставал Савелий Петрович, постукивая пальцами по столу. — Где ведомости на остальных четыре ваших селения?

— Они в кладовой… в самом конце коридора…

— Антон, иди и неси сюда все бумаги, какие только найдёшь в кладовой! — распорядился ревизор и строго глянул на Елизавету Александровну. — Кладовая под замком?

— Да, конечно… — графиня будто очнулась от тяжёлого оцепенения.

— Где ключ? — Савелий Петрович был предельно настойчив.

— Вот… — графиня достала из кармана платья тяжёлую связку ключей и указала на один из них, потемневший от времени. — Вот этот.

— Антон, бери связку и живо в кладовую.

Юноша послушно взял холодные ключи и вышел из кабинета в полутёмный коридор.

Едва за писарем закрылась дверь, графиня подалась к ревизору и заговорила с отчаянной, срывающейся мольбой:

— Савелий Петрович, уезжайте, пока не поздно! Забирайте Антона и уезжайте прямо сейчас!

— Вы мне угрожаете? — холодно прищурился ревизор.

— Я прошу, молю — бегите из этого проклятого места! У вас ещё есть время до третьего декабря…

— Третье декабря завтра, — Савелий Петрович тяжело посмотрел на неё. — И что же такого должно случиться третьего декабря?

— Ой, барин, да ничего особенного — день рождения у меня будет!

Ревизор и графиня обернулись. На пороге открытой двери опять стояла Дунька и широко, беззаботно улыбалась.

— Ты чего тут делаешь?! — рявкнул Савелий Петрович, окончательно теряя терпение.

— Так вы же звали, барин.

— Не звал я никого!

— Дуня, выйди! — строго, почти на грани срыва крикнула графиня.

Девушка беззаботно пожала плечами и прикрыла за собой дверь.

— Откуда она знает свой день рождения? — Савелий Петрович перевёл недоумевающий взгляд на графиню. — Она ведь уверяла, что ничего о себе не знает — ни рода, ни племени…

Не дожидаясь ответа, он снова схватился за толстую книгу и принялся лихорадочно перелистывать страницы. Одно и то же число мелькало перед глазами снова и снова: *«Третье декабря… третье декабря… третье декабря…»*

Ревизор с силой захлопнул ведомость и в упор посмотрел на побледневшую женщину.

— Что, чёрт возьми, у вас тут происходит, Елизавета Александровна?! Извольте объясниться немедленно!

Графиня бессильно опустилась в кресло, закрыла лицо ладонями и обречённо произнесла:

— Если вы всё узнаете, обратной дороги уже не будет. Себя не жаль — так хоть Антона пожалейте. Молод он ещё, чтобы тут сгинуть…

— Я жду, — настойчиво сказал Савелий Петрович.

— Когда император пожаловал моему супругу эти земли вместе с крепостными, мне было немногим больше двадцати двух лет, — начала графиня. — Муж мой был значительно старше, но горячо мною любим и глубокоуважаем. Он был человеком сильным духом, справедливым и честным. Мы приехали сюда, и поначалу всё складывалось благополучно. Я часто ездила по деревням, интересовалась нуждами крестьян, старалась помогать. Даже подумывала хотя бы немного обучить грамоте деревенских ребятишек.

Савелий Петрович молча слушал, стоя возле письменного стола.

— Дуню я заприметила ещё совсем маленькой девочкой, — продолжала графиня. — Несчастная сирота. Мать её умерла при родах, а отец, пьяница, замёрз в сугробе на самое Рождество. Так она и осталась одна, без родных, без крова. То у одних переночует, то к другим попросится. Я пожалела девочку и взяла в свой дом. Думала, вырастет, грамоте обучится… Да только не вышло.

Графиня ненадолго замолчала, собираясь с мыслями.

— С малых лет Дуня была странная. Не злая, нет… Просто словно не от мира сего. Ученье ей никак не давалось, простых вещей порой не понимала. Так и осталась при мне прислужницей. А сама всё норовила в родные Пеньки убежать.

— Стало быть, вы её с детства знали? — спросил Коробов.

— Конечно. Я ведь её почти как родную воспитывала.

Графиня не отводила взгляда от окна.

— А три года назад она пропала.

— Пропала?

— На три дня. Никто не знал, куда она подевалась. Я забеспокоилась, отправила конюха в Пеньки. Тот поднял мужиков, и они принялись обшаривать окрестности. В лесу, возле старого разорённого могильника, нашли её платок. А у самого болота — тряпичную куклу. Ту самую, что я ей ещё в детстве подарила.

— Конюх вернулся и сказал, что, верно, Дунька в болоте утонула либо звери её задрали. Искать дальше было, по его словам, бесполезно. А к вечеру третьего дня…

Она осеклась.

— Что случилось к вечеру? — спросил Савелий Петрович.

— Она вернулась.

— Сама пришла?

— Сама. Вся в грязи, в болотной тине, волосы спутаны, платье изорвано. И… — графиня запнулась, — один глаз у неё был выколот.

— И что же с ней случилось? Она что-то смогла рассказать?

— Увы. На расспросы отвечала невпопад, то молчала, то начинала смеяться. Что с ней случилось, так и не удалось выяснить. Рану кое-как залечили, да только глаз спасти не смогли.

Графиня опустила голову.

— А после этого в имении началось несчастье за несчастьем. Будто кто-то проклял нас всех.

— Какие несчастья?

— Люди стали болеть. Кто-то за день увядал, словно вся жизнь из него уходила. Другие в лихорадке бредили да родных не узнавали. Некоторые бежали из имения, надеясь спастись в тайге, но и они бесследно пропадали. А кого-то находили повешенным прямо в сарае.

Савелий Петрович слушал, не перебивая.

— Однако самое страшное, — продолжала графиня, — что большая часть смертей и исчезновений приходилась на один и тот же день. Третье декабря. Из года в год.

— И вы связываете это с Дунькой?

— А с кем же ещё, Савелий Петрович?

— День рождения её я узнала ещё от старосты Пеньков, когда Дуня была совсем ребёнком. Сама она никогда этой даты не помнила. Могла спросить, когда ей родиться довелось, а на следующий день уже забывала ответ. Но после возвращения с болота всё переменилось. Теперь она помнит этот день лучше собственного имени.

Графиня замолчала.

— Третье декабря, — почти шёпотом повторила она. — Каждый год.

Тем временем Антошка добрался до кладовой в конце коридора. Тяжёлый замок никак не поддавался, и юноше пришлось повозиться, прежде чем наконец удалось отпереть дверь.

За ней открылась непроглядная темень. В кладовой не было ни одного окна.

Антон заглянул внутрь, но тут же отступил.

— Антошка, чего бродишь? — раздался совсем рядом беспечный голосок. — Никак свечу ищешь?

Юноша вздрогнул и обернулся.

Прямо перед ним стояла Дунька. Она широко улыбалась и держала в руках зажжённый подсвечник. Огонёк плясал на её бледной щеке.

— Откуда знаешь? — с опаской спросил Антон.

— А чего тут знать-то? Кладовая тёмная, туда никто, акромя меня, не ходит. Я завсегда свечку с собой беру.

Дунька протянула ему подсвечник. Антон осторожно принял его, стараясь не коснуться холодных пальцев девушки.

— Ещё чего надобно? — спросила она, заглядывая через его плечо в кладовую.

— Нет, спасибо. Иди.

— Ну, как знаешь, Антошка.

Дунька хихикнула, развернулась и пошла прочь по коридору. Ещё несколько мгновений юноша смотрел ей вслед, потом поспешно шагнул за порог и прикрыл дверь.

В кладовой стоял затхлый запах. Антон поднял подсвечник повыше и принялся осматривать полки, заваленные папками и стопками каких-то бумаг. На полу тоже громоздились стопки бумаг, перевязанные верёвкой.

Юноша торопливо перебирал бумаги, стараясь поскорее закончить поиски и вернуться к Савелию Петровичу.

Сдвинув очередную стопку, он заметил под ней уголок небольшого деревянного сундука.

Антон присел на корточки, чтобы получше его разглядеть. Сундук оказался заперт на старый висячий замок. Дужка его проржавела настолько, что, когда юноша потянул посильнее, металл с сухим хрустом лопнул. Замок упал на пол.

Он осторожно поднял крышку.

Из сундука пахнуло старым прелым тряпьём. Внутри лежало крестьянское платье, перепачканное засохшей грязью, рядом — потемневший передник. А поверх одежды валялась тряпичная кукла с оторванной рукой.

Юноша отложил куклу в сторону. Под ней лежала небольшая тетрадь в кожаном переплете. Из тетради торчал сложенный вдвое лист бумаги, пожелтевший по краям. Антон осторожно вытянул листок, развернул его и поднёс ближе к свече.

На старой бумаге корявым почерком было выведено:

«Дунька, безродная девка, в болоте утопла. Через три дня воротилась в поместье живая, но с гнилым глазом.

Староста».

Антон перечитал написанное ещё раз.

— Ой, Антошка! Куколку мою нашёл! А я уж думала, что больше её не увижу. Барыня мне её ещё в детстве подарила.

Юноша замер. Он медленно выпрямился и обернулся.

Прямо перед ним стояла Дунька и как обычно улыбалась.

— Что тебе надо? — настороженно спросил Антон.

— Куколку, чего ж ещё? Она ведь моя.

Дунька протянула руку.

— А ты нашёл, что искал? — как ни в чём не бывало поинтересовалась она.

Антон молча протянул ей куклу.

— Ну чего молчишь? Нашёл, спрашиваю, бумаги свои или нет?

— Не нашёл, — запинаясь ответил юноша.

Дунька прижала куклу к груди и хихикнула.

— Странные вы.

— Кто мы?

— Да люди. Кто ж ещё?

Писарь наспех сунул листок обратно, схватил с ближайшей полки несколько папок и ту самую тетрадь, прижал всё к груди. Теперь ему было всё равно, какие именно бумаги он принёс: хотелось только поскорее выбраться из кладовой.

— Пропусти, Дуня, — глухо выдавил он, боком пробираясь мимо неё.

— Значит, всё-таки нашёл, что искал, — сказала Дунька, по-детски улыбнувшись.

Она неторопливо посторонилась, но сама осталась стоять в темноте кладовой, прижимая к себе тряпичную куклу.

Выскользнув в коридор, Антошка поспешил обратно в кабинет графини, едва сдерживаясь, чтобы не побежать.

Дверь в кабинет распахнулась, и бледный Антошка быстро положил папки на стол. — Всё нашёл? — Савелий Петрович деловито откинул обложку первой папки. — Не знаю… Может, нашёл, может, нет, — сбивчиво пробормотал юноша, оглядываясь на дверь. — Антон, ты что принёс?! — Савелий Петрович с недоумением перелистал старые листы. — Это же совсем не то! Тут счета, хозяйственные ведомости. За какой надобностью ты приволок эту папку: *«Учтено: три мешка картошки, один мешок луку, пять куриц, тридцать яиц»*? Это что такое?! — Я это… я искал, сударь, а потом туда Дунька пришла… — Ну пришла, и что с того? Дуньки блаженной испугался? — Савелий Петрович, там слишком темно было, бумаг много… — Антон, вы всё правильно сделали, — вмешалась графиня, бросив на писаря благодарный взгляд. — Елизавета Александровна, я прекрасно понимаю, что вам нет никакой выгоды в том, чтобы мы подняли все бумаги, — сухо отрезал ревизор, — но позвольте, не нужно хвалить моего писаря за невыполненную работу.

Дверь снова отворилась, и на пороге показалась Дунька, крепко прижимающая к груди ту самую старую тряпичную куклу. Увидев игрушку, графиня едва слышно ахнула. — Чего тебе? Я тебя не звала! — раздражённо прикрикнула Елизавета Александровна. — Барыня, так я ключи от кладовой принесла, — невинно захлопала глазом девка. — Антошка-то убежал, кладовую бросил незапертой и ключи там же оставил. — Оставь связку на столе и иди. — Так,

мож надо чего? Чаю или ещё чего? — Иди, Дуня! — Барыня, вид у вас больно болезный, мож лекарства какие подать? — не унималась девка.

Тут Савелий Петрович неожиданно подошёл к девушке и мягко, почти по-доброму спросил: — Дуня, а ты пироги стряпать умеешь? — Ой, барин, конечно умею! — просияла она. — Вам какие? С морковью могу, с яблоками, с клюквой… вот только откуда клюкве сейчас взяться-то? — Вот, Дунечка, пойди-ка ты нам пирогов настряпай, каких сама захочешь — все в радость будут, — Савелий Петрович ласково улыбнулся и мягко подтолкнул девушку к выходу. — Ой, каких пирогов-то вам напеку… — довольная, Дунька выскользнула из кабинета.

Савелий Петрович тут же плотно прикрыл дверь и повернул ключ в замке. — Вот, другое дело. Хотя бы какое-то время путаться под ногами не будет, — ревизор вернулся к столу и снова склонился над бумагами. — Савелий Петрович, вы ничего не найдёте в этих ведомостях. — Елизавета Александровна, при всём уважении, давайте я сам решу, есть там что-то полезное или нет.

Графиня не ответила, лишь перевела взгляд на писаря: — Антон, скажите, а Дунька к вам уже с этой куклой пришла? — Нет, ваше сиятельство, я её в кладовой нашёл. А потом появилась Дунька и попросила игрушку отдать. — Антон… так вы тот сундук открыли? — Какой ещё сундук? — Савелий Петрович оторвался от бумаг и недоумённо посмотрел на графиню. — В кладовой старый сундук стоял, с вещами Дуньки — с того самого дня, когда она с болота вернулась… — Ага, нашёл, — виновато забормотал Антошка, опуская глаза. — Я случайно, честное слово! Там замок совсем гнилой был, я дёрнул — он и отвалился. Извините, ваше сиятельство, открыл, не удержался.

— Елизавета Александровна, не моего ума дело, конечно, но зачем вам старое тряпьё девки-прислужницы? Для каких целей вы его храните? — Савелий Петрович бросил быстрый взгляд на графиню и снова уткнулся в ведомости. — Давно уж хотела его выкинуть, но каждый раз откладывалось: то забуду, то дела неотложные, то ещё какие-то заботы… Так этот сундук и остался в кладовой, а уж потом совсем не до него стало. — Ясно, — не отрываясь от листов, пробормотал ревизор и устало потёр лоб. — Хозяйство у вас, конечно, в полном запущении. Как понимаю, после смерти графа никто счетами толком и не занимался… Тут у вас всё в кучу свалено, начиркано, исправлено, переписано — поди разбери, откуда начало.

В комнате Антошка разложил принесённые папки на столе, а Савелий Петрович устроился в кресле и принялся раздражённо перебирать листы то в одной папке, то в другой. — Слушай, Антошка, ты притащил четыре папки, и ни в одной нет переписи! Ты точно в ту кладовую ходил? Или графиня нас намеренно за нос водит… Ещё и побасенки мне давеча рассказывала про утопшую Дуньку.

Антошка оторвал голову от бумаг, широко раскрыв глаза: — Утопшую Дуньку?! — Да, пока ты в кладовую ходил, она мне местные небылицы плела про своё имение, — буркнул ревизор, не глядя на писаря.

— Савелий Петрович… — робко протянул юноша, вытаскивая из-под одной папки кожаную тетрадь. — Я тут кое-что ещё нашёл. Уж не знаю, насколько важная бумага… В кабинете не стал её показывать при графине, решил, что лучше сперва вам её увидеть.

Ревизор с живым интересом посмотрел на писаря: — Так чего же ты медлишь? Показывай давай, что за бумага! То, что при графине не достал, — правильно сделал.

Антошка достал листок из тетради и протянул: — Вот.

Савелий Петрович развернул бумагу, пробежал глазами корявые строчки и с досадой фыркнул: — Так это опять те же побасенки про утопшую Дуньку! Ничего нового. Сама графиня, поди, и подложила, чтобы пыль в глаза пустить. — А если это не побасенки? — спросил Антон. — Если чистая правда?!

Савелий Петрович устало потёр руками лицо: — Антон, да откуда ты вообще эту бумагу вытянул? — Вот из этой тетради, — юноша положил на стол кожаную книжицу. — Она в

самом сундуке лежала, а поверх кукла Дунькина была. — Что в той тетради? — Не знаю, я не смотрел… Дунька в кладовку ввалилась за куклой своей грязной, не до того было.

— Ладно, давай почитаем уж ту тетрадку, всё равно в этих папках ничего дельного нету.

Савелий Петрович придвинул к себе свечу, открыл тетрадь на первой исписанной странице и вслух прочёл: *«Шестого сентября. Дуня пропала, Лизавета в расстройствах, просит меня мужиков на поиски отправить»*.

— На дневник похоже, — не удержался Антошка, заглядывая через плечо Савелия Петровича. — Интересно, кто его вёл? Там не написано? — Не написано, но, сдаётся мне, сам граф записи делал, — задумчиво пробормотал ревизор, вглядываясь в строчки. — Почерк ровный, уверенный, господский… Да и о графине пишет просто, по-семейному, без чинов и титулов.

Савелий Петрович перелистнул страницу и продолжил читать вслух: *«Седьмого сентября. Пока я занимался делами в губерниии, Лизавета самолично отправила конюха Ивана поднять мужиков из Пеньков на поиски Дуни. Уж больно волнительно ей было за девку безродную»*.

Он пробежал глазами следующую запись: *«Восьмого сентября. Вернулся из губерниии. Лизавета плачет, говорит, конюх дурную весть о Дуне принёс — сгинула в болоте девка. Утешить супругу не получилось. Пообещал с утра сам поехать в Пеньки с мужиками переговорить»*.

«Девятого сентября. Не успел поехать в Пеньки. Дуня сама вернулась в имение — вся грязная, в тине болотной, платье разорвано, волосы растрёпаны, платка нет, игрушку свою, с которой везде таскалась, потеряла где-то. Покалечена на один глаз. Лизавета сердечные капли пьёт да плачет. Отправил Ивана в город за лекарем для Дуни, заодно и Лизавету посмотрит. А сама Дуня молчит, только смеётся невпопад, будто и боли совсем не чувствует. Блаженная девка»

— Савелий Петрович, значит, и вправду Дунька утопла? А как же она тогда вернулась? — шёпотом спросил писарь, покосившись на дверь. — Антошка, утопла бы в болоте - не вернулась бы, — отрезал ревизор. — Шаталась, значит, где-то по лесу. А вот что с ней приключилось и кто её так страшно покалечил - это вот действительно интересно.

Савелий Петрович перелистнул страницу и продолжил читать: — *«Десятого сентября. Приехал лекарь из города. Осмотрел Лизавету, сказал, что от пустых переживаний страдает. С Дуней же всё оказалось куда сложнее: не подпускала лекаря к себе, шипела да кусалась, словно дикая зверушка. Кое-как её мужики втроём скрутили. Лекарь глаз осмотрел, лекарства и примочки назначил. Сказал, жить будет, но без глаза. Отдал лекарю сорок рублей. Завтра сам поеду в Пеньки, с мужиками поговорю — может, узнаю, что с Дуней приключилось, не надругался ли кто в лесу над девкой бестолковой»*.

— Вот тебе и простое объяснение её поведения, а не побасенки всякие! Поди, кто-то испортил девку в лесу супротив её воли, вот она от страха да боли умом и тронулась, — уверенно заключил Савелий Петрович. — Но как же с таким страшным увечьем боли совсем не чувствовать? Разве такое бывает? — не унимался писарь. — Антошка, всякое бывает, особенно когда человек не в себе. — Не в себе… — тихо повторил Антошка, словно взвешивая эти слова про себя. — А помните, Савелий Петрович, бабка Марфа сказывала, что девка Аграфена на всю деревню голосила, будто в Дуньке дух не человечий?

«Одиннадцатого сентября. Доехал всё-таки до Пеньков, взял с собой конюха Ивана. Поговорил с мужиками — они куклу Дунину на болотах нашли, мне отдали, да платок её грязный у старого разорённого могильника. Уверяют, что никто девку испортить не мог: чужаков в округе не было, а свои все Дуню с детства знали и никому интересна она не была. Как глаз загубила — никто не ведает. Рассказали, что к обеду Дуня в селение пришла и, как всегда, с бабами побасенки местные говорила, а потом засобиралась по грибы да по ягоды в лес. Девок с собой звала, да не пошёл в тот день с ней никто, все заняты делом были. Одна

в лес ушла и пропала. Приказал мужикам показать место, где платок нашли, — они закрестились и наотрез отказались снова туда идти. Говорили, что место то гиблое, захоронения там были старые, ещё нехристианские. Приказал старосте провести меня. Повёл, да в такую чащу дремучую завёл нас с конюхом, что свету белого не видать. Уже и револьвер я наготове держал: кто его знает, что на уме у суеверного мужика…»

Савелий Петрович вдруг замолчал и настороженно прислушался к двери: — Антон, ты слышишь? Будто кто-то за порогом топчется. — Да, сударь, — шёпотом подтвердил писарь, покосившись на запертый замок. — Кто там? — громко крикнул Савелий Петрович. — Так это я, Дуня. — Чего хотела? — Так спросить, не надобно ли чего? — Дуня, пироги стряпать иди! Как состряпаешь, так мы в гостиную и спустимся. — Барин, может, дверь откроете? — ручка запертой двери щёлкнула. — Нет нужды! Иди, Дуня, ступай стряпай! — Как скажете, барин…

За дверью послышался тихий шорох, а затем шаги медленно утихли в глубине коридора.

— Савелий Петрович, а дальше-то что? Нашёл что-то граф? — нетерпеливо подался вперёд писарь. — Не знаю, сейчас посмотрим, записал там что-то граф или нет, — ревизор перелистнул страницу и продолжил читать:

«Добрались мы до того могильника. Как Дуня бестолковая одна могла в такую глушь уйти — непонятно. За могильником старое капище: какое-то бревно почерневшее валяется, да глаз один на нём неопрятно вырубленный. А на месте самого могильника камни раскиданы да разрыто всё. Спросил я у старосты: что это? Он крестился и что-то про нечистый дух говорил, который будто бы тут похоронен был, пока его Дунька не выпустила, Лихо одноглазое выпустила, вот без глаза и осталась. Почему именно Дуня — внятно он сказать не смог: раз платок её там нашли, значит, она. У крестьян всё просто».

«Двенадцатого сентября. Не стал Лизавете ничего подробно рассказывать. Дуня ходит весёлая, как обычно, а мне отчего-то на душе неспокойно».

Савелий Петрович перевернул ещё пару пустых листов и остановился на следующей записи:

«Тридцатого сентября. Дуня в последнее время ведёт себя не как обычно: в барские дела вмешивается, придёт, стоит над душой, будто чего-то ждёт, а то и под дверью подслушивает. Ещё и повариха наша пропала, мужики в лесу только её пустую корзину для грибов нашли. Служанка Дашка от Дуни вовсе шарахается и крестится украдкой. Не по нраву мне всё это. Лизавете пока ничего не говорю, дабы не пугать раньше времени»

Ревизор перевернул ещё несколько страниц, исписанных уже заметно более слабым, дрожащим почерком, и тихо прочёл: *«Двадцать третьего ноября. Необъяснимая хворь приключилась со мной. Перешёл в отдельную комнату, дабы Лизавете не передалась болезнь. Иван привёз лекаря из города, но лёгочная немочь не подтвердилась. А дышать всё равно не могу, слабость ужасная, будто жизнь из груди по капле тянут. Дунька всё ходит вокруг и улыбается. Из прислуги в доме остался только конюх да Дуня. Дуня… Дунька, потому как от прежней Дуни ничего не осталось, она другая. В Пеньках её знать не хотят, крестятся, едва завидят. Да и я часом тоже не хочу её видеть».*

— Савелий Петрович, выходит, граф захворал аккурат после того, как Дунька из болота вернулась… Неужто простое совпадение? — голос Антошки заметно дрогнул. — Не знаю, Антон, не знаю… — глухо ответил ревизор. Впервые за всю службу его непоколебимая уверенность дала трещину. Он молча перевернул предпоследний лист и продолжил читать уже намного тише:

«Двадцать девятого ноября. Болезнь не отпускает, сколько ещё проживу — неизвестно. Просил Лизавету в столицу перебраться — отказывается, не может меня оставить. Но мои дни сочтены, боюсь, до Рождества не дотяну. Крест нательный на груди потемнел. Лекарь более не приезжает — некому за ним ехать: конюха Ивана волки в лесу задрали, со слов Дуньки. Но что-то не верится мне в волков — как Дунька воротилась с болот, так ни

одного зверя в округе не видно стало, всё живое из леса ушло. Страшно мне Лизавету одну с Дунькой оставлять в имении…»

На последней исписанной странице буквы были совсем крупными, неровными, словно перо едва держалось в слабеющих пальцах умирающего человека:

«Второго декабря. Я совсем слаб, дни мои сочтены, с постели уже не встаю. Записей более не будет — это последняя. Ночью приходила Дунька, стояла в изголовье и улыбалась. А потом тихо так сказала: День рождения у меня завтра. Отдай мне три души невинных и жить будешь… Каждый год всего по три души… Уж не знаю, в горячке ли мне послышалось или и вправду было… Только под утро Дунька снова пришла и шепнула, что все души в округе заберёт, коли не отдам ей троих. Не знаю, что за нечисть в ней поселилась, но оно не остановится. А я такой грех на душу взять не могу, не могу загубить невинных людей. Будь что будет.»

— Это что ж получается, Савелий Петрович… Графиня-то не ведьма вовсе! Она же нас предупредить старалась, просила не возвращаться! — голос Антошки сорвался на сдавленный шёпот. — Чертовщина какая-то… Граф — человек образованный, боевой генерал, у самого государя на особом счету был, неужто стал бы в предсмертном дневнике сказки сочинять? — хмуро пробормотал ревизор.

Он тяжело поднялся из-за стола, заложил руки за спину и подошёл к окну, вглядываясь в декабрьскую тьму за стеклом. Но не успел он и слова сказать, как резко отшатнулся, зацепился сапогом за ножку стула и грохнулся на пол, глухо чертыхаясь. — Савелий Петрович, что случилось?! — Антошка бросился к ревизору и помог ему подняться, с ужасом покосившись на тёмное стекло. За окном не было ничего, кроме чёрного неба и кружащихся снежинок. — Дунька… — выдохнул ревизор, схватившись за грудь. — Там, за стеклом, была Дунька… Прямо в окно смотрела и улыбалась. — Но как?! Комната ведь на втором этаже! — Антошку зазнобило. — Не знаю как, Антон, но хватит с нас этой чертовщины! — Савелий Петрович рывком схватил со стула свою шинель и похлопал по карману, проверяя, на месте ли револьвер. — Собирайся живо, пора выбираться из этого проклятого имения! — Куда же в ночь идти, Савелий Петрович? Мы до тракта дороги в потёмках не найдём ведь! — В Пеньки пойдём, к старухе Марфе, а поутру уже решим, как до уезда добираться. Собирайся, Антон! И за графиней зайдём — нельзя её здесь одну с этой тварью оставлять.

— Савелий Петрович, я один в свою комнату не пойду, а моя одежда там… — зашептал Антон, вжимая голову в плечи.

Ревизор наспех сгрёб дневник и ведомости в кожаный портфель: — Идём, Антон, за твоими вещами.

Он сунул тяжёлый портфель в руки писарю, а сам вытащил из кармана шинели револьвер, взвёл курок и неслышным шагом подошёл к двери. На мгновение прислушавшись, Савелий Петрович проверил, тихо ли за дверью и резко повернул ключ в замке. В полутёмном коридоре было пусто.

Они быстро выскользнули наружу и зашли в соседнюю спальню. Антошка второпях схватил со стула свою сумку, накинул суконный плащ и шапку — от старого тулупа умершего конюха, подаренного Дунькой, он шарахнулся, как от огня. — Всё, Антон, идём за графиней, — глухо скомандовал ревизор, крепче сжимая рукоять револьвера. — Если встретится Дунька на пути — ты молчи, говорить буду я.

Чуть дальше по коридору находилась спальня графини. Савелий Петрович, прислонившись ухом к дубовой двери, затаил дыхание и тихонько постучал. Никто не отозвался. — Ваше сиятельство, это Савелий Петрович… — едва слышно прошептал ревизор.

Тишина. — Савелий Петрович, может быть, она в кабинете или в каминной на первом этаже? — едва слышно выдохнул Антон. — Всё может быть. Иди следом, смотри не запнись в потёмках, шума не создавай.

Они крадучись, стараясь не скрипеть половицами, спустились вниз. Дверь в каминную оказалась приоткрыта — из щели на тёмный пол коридора падали пляшущие багровые отблески огня. — Графиня в каминной… — тихо пробормотал Савелий Петрович, поднимая револьвер. — Антошка, иди за мной.

Савелий Петрович осторожно заглянул в каминную. Графиня неподвижно сидела в глубоком кресле у огня.

— Елизавета Александровна… — едва слышно позвал ревизор.

— Савелий Петрович? Поздно уже, вы что-то хотели? — графиня медленно поднялась с кресла и обернулась к нему.

Ревизор распахнул дверь и шагнул в каминную, за его спиной, вжимая голову в плечи, топтался Антошка.

— Собирайтесь, ваше сиятельство, мы уходим отсюда, и вас здесь не оставим!

— Поздно уже, Савелий Петрович… — едва слышно отозвалась она.

— До утра мы ждать не намерены. Одевайтесь живо!

— Нет, вы не поняли… Уже слишком поздно. Она не отпустит. Никого уже не отпустит.

- Кто? Дунька ваша?

— Она давно уже не моя, Савелий Петрович…

Из-за тяжёлой бархатной портьеры у окна бесшумно вышла Дунька. Одной рукой она крепко прижимала к груди грязную тряпичную куклу, а другую прятала за спиной. — Барин, куда же вы собрались? А как же праздник? Третье декабря ведь уже… — пропела она и медленно вытащила руку из-за спины.

В её пальцах блеснула длинная стальная спица. Дунька широко улыбнулась и принялась неторопливо считать, по очереди указывая остриём сперва на побелевшую графиню: — Раз… Потом перевела спицу на ревизора: — Два… И, наконец, ткнула в сторону потерявшего, от страха, дар речи Антошки: — Три.

— Что это у неё?.. — едва смог выдавить писарь. — Ой, Антошка, так это швайка для убоя скота! — весело отозвалась Дунька, покрутив гранёную спицу с обмотанной дратвой деревянной ручкой в свете камина. — Весьма полезная вещица в хозяйстве, не правда ли, барыня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.